

*А. Мессауди**

**НА ГРАНИЦАХ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ:
ЛЕОН РОШ, КОНСУЛ ФРАНЦИИ (1845 – 1867)**

Статья посвящена жизни и деятельности Леона Роша, французского дипломата середины XIX в. периода становления второй колониальной империи Франции. Опираясь на материалы французских дипломатических архивов, автор анализирует основные этапы карьеры Роша, служившего консулом в Танжере, Триесте, Триполи, Тунисе и Эдо (Токио). Он пытается выявить, каким образом Рош использовал методы традиционной и нетрадиционной дипломатии для реализации на Востоке имперских целей своей страны. Задача исследователя во многом осложняется тем, что сам Рош посвятив своей биографии обширную литературу, постарался спрятать перипетии своей реальной жизни под покровом легенды.

Ключевые слова: история, Франция, дипломатия, Средиземноморье, Восток, Леон Рош

Посвящается Ролану Соссаку

Среди французских консулов XIX в., находившихся на службе в странах мусульманского мира, относительную известность приобрел Леон Рош. Он сам содействовал своей славе, выставляя себя человеком необычной судьбы, водившим знакомство с сильными мира сего¹. В двух первых и единственных опубликованных томах его мемуаров под названием «Тридцать два года по дорогам ислама», которые вышли в свет в 1884 и 1885 гг.², он представляет себя не только «полномочным министром в отставке» и «бывшим главным переводчиком Африканской армии», но и «бывшим личным секретарем Абд аль-Кадира»³. В этой, оставшейся неоконченной, эпопее второй том завершается марокканским посольством, которое автор сопровождал в Париж в 1845 г., Рош рисует весьма далекую от реальности картину, как это убедительно показал Марсель

* Ален Мессауди, доцент современной истории Университета Нанта.

¹ Приношу благодарность Назиму Фатесу, Фабрису Жене и Оливье Рею за внимательную вычитку текста.

² Trente-deux ans à travers l'islam (1830-1864). P., 1884-1885. T. 1. Algérie. Abd-el-Kader; T. 2. Mission à la Mecque. Le maréchal Bugeaud en Afrique.

³ Это те три титула, которые входят в сведения об авторе на обложке.

Эмери⁴. А потому данный источник вряд ли поможет по достоинству оценить поступки и карьеру Роша. Заметим, что опубликованный текст обрывается накануне вступления Роша в должность консула. Возможно, это было способом сделать так, чтобы дипломатические источники не смогли поставить под сомнение его собственную версию событий, притом, что деятельность Роша в качестве консула в Тунисе и в Японии воспринималась весьма неоднозначно.

Лишь точное, основанное на анализе консульской переписки исследование позволило бы воссоздать доподлинно деятельность Роша на различных занимаемых им постах будь то в Танжере, Триесте, Триполи, Тунисе или Йокогаме/Эдо (Токио) и выяснить, какие установки могли лежать в ее основе и в какой мере они свидетельствуют о ее имперской направленности. Мы ограничимся здесь рассмотрением основных этапов его карьеры, для чего обратимся к пенсионному делу, хранящемуся в дипломатических архивах⁵, воспоминаниям и сборнику в его честь, запоздало изданному некими друзьями⁶, впрочем, весьма сомнительными, а также к избранным местам из политической переписки, которую он вел из Туниса и Эдо с министерством⁷.

Леон Рош не был отпрыском одной из тех благородных семей, откуда в большинстве своем, из поколения в поколение, рекрутируются сотрудники дипмиссий. Он относился к числу тех новых людей, которые сделали карьеру, на первый взгляд, благодаря стечению обстоятельств. Так, за плечами у Роша был разнообразный опыт работы интендантом, секретарем, переводчиком, сначала в сфере коммерции, затем в Африканской армии. И вот, 30 ноября 1849 г., в возрасте сорока лет, он был «в порядке совершенно особого исключения», как сказано в ми-

⁴ Émerit M. La légende de Léon Roches // *Revue africaine*. 1947. Vol. 91. P. 81-105. Эмери делает вывод, что эти воспоминания «всего лишь роман, красивый восточный роман» (Ibid. P. 105), что подтверждает Шарль-Анри Жюльен: «необузданное воображение» Роша и «его подчинение Бюжо» побуждали его заниматься сочинительством насчет его миссии при Абд аль-Кадире, и фальсифицировать документы. *Histoire de l'Algérie contemporaine*. P., 1964. P. 176.

⁵ MAE (Ministère des Affaires étrangères – *Прим. пер.*). Personnel. 1re série. 3506 (микрофильм, рулон P 14617).

⁶ Quelques pages sur Léon Roches. Grenoble, 1898.

⁷ Центр дипломатических архивов г. Нант (CADN): Тунис, Генеральное консульство, 1582-1887 (712 PO/1, реестры 90-93 и 103); Центр дипломатических архивов г. Ла-Курнёв (ADLC): Япония/Эдо, политическая переписка. Т. 9-10 (микрофильм P 10245). Т. 14 (микрофильм P 10247).

нистерских документах, назначен консулом первого класса в Триест и, таким образом, официально вошел в состав дипломатического корпуса⁸. Четырьмя годами ранее маршал Бюжо (генерал-губернатор Алжира – *Примеч. пер.*) признавал, что назначение Роша в консульство Танжера, которое он всячески приветствовал, было, «с точки зрения дипломатической карьеры, случаем из ряда вон выходящим»⁹. Но, по мнению продвигавших его кандидатуру офицеров, Рош обладал качествами, которые делали его назначение возможным и даже желательным. Он мог сослаться на свое родство с дочерью жирондистской героини Манон Ролан, а также на свой брак в 1846 г. с дочерью французского консула в Танжере Эдма де Шасто. Смолоду обретаясь в среде крупных коммерсантов, он обладал деловой хваткой, умел торговаться, сохраняя при этом военную выправку, которая весьма высоко ценилась: власти рассчитывали, что она поможет ему завоевать уважение собеседников в традиционных обществах, таких как арабское или японское. Важным аргументом в пользу его назначения в Танжер, Триполи и Тунис было также отличное владение языком и знание местных обычаев. Умение себя подать, способность к использованию новых форм рекламы все это позволило Рошу создать себе репутацию одного из главных проводников французского влияния в Тунисе, содействовавших повороту Регентства в сторону реформ, и добиться от министерства, уверенного в его политических способностях, последующего назначения в Японию в 1863 г. Именно эти разнообразные достоинства и помогли ему сделать беспрецедентную консульскую карьеру, которую мы намерены здесь рассмотреть. При этом возникает вопрос: не свидетельствуют ли перечисленные качества о появлении консула нового типа в период между концом Июльской монархии и началом Второй империи, когда имперские амбиции Франции наполняются новым содержанием?

Молодой человек из хорошей семьи?

Мишель Жюль Мари Леон Рош происходил из относительно скромной среды провинциальной буржуазии и мелкого дворянства. Он родился 27 сентября 1809 г. в Гренобле, где обосновалась родня по отцовской линии. Дед, Мишель Рош, женатый на Этье-

⁸ ADLC. Personnel. Iresérie. 3506.

⁹ Ibid. Бюжо – Гизо, Алжир, 9 июля 1845.

нетте Луизе д'Аустен де Сен-Бонен, дочери сеньора де Марсийи¹⁰, бежал от революционных эксцессов в Фёре, дабы не разделить судьбу своего старшего брата, который был приговорен к смерти и гильотинирован¹¹. Насколько известно, Леон учился в городском лицее, затем готовился к бакалаврской степени в королевском коллеже Турнона, после чего в течение нескольких месяцев изучал право в высшей школе, открытой в Гренобле в 1806 г. В мемуарах Рош почти ничего не сообщает о своем отце. Между тем именно под началом друзей последнего марсельских негодяев он начал свою трудовую деятельность, сопровождавшуюся поездками на Корсику, Сардинию и в Геную¹². И именно отец проложил ему дорогу в Алжир: Альфонс Рош, занимавший должность атташе интендантской службы во времена Алжирской экспедиции, велел сыну приехать, чтобы помогать ему в «опытах колонизации»¹³, что тот и сделал в июне 1832 г. Если верить мемуарам, то вплоть до 1837 г. Леон оказывал содействие отцовскому предприятию, контролируя владения, приобретенные в Митидье и Сахеле, и изучая арабский язык, чтобы лучше осуществлять управление имением. В конце концов, дело пришло в упадок, что стало неизбежным следствием «неопытности» Альфонса и его «чрезмерного доверия к некоторым из компаньонов», как пишет сын¹⁴. В конце концов, Альфонс нашел себе место заместителя начальника отдела в мэрии г. Алжира¹⁵. На момент своей смерти в 1865 г.¹⁶ он проживал в приюте для стариков в Бузареа коммуне в пригороде Алжира, мэром которой был¹⁷.

Более подробно Леон Рош рассказывает о родне со стороны матери по фамилии Шампаньё. Правда, он не знал ни своей матери, Франсуазы Терезы Клементины, которая, как явствует из его рас-

¹⁰ Акт о смерти Альфонса Жана Батиста Мари Роша от 13 июля 1865 г., доступный через поисковую систему (Irel) Национального архива заморских территорий: URL: <http://anom.archivesnationales.culture.gouv.fr/caomec2/pix2web.php?territoire=ALGERIE&acte=993142>

Согласно этому акту, Альфонс родился около 1787 г. в предместье Лиона Ла-Гийотьер. Сеньория де Марсийи находилась на месте современной коммуны Марсийи-ла-Гёрс в кантоне Шароль департамента Сона и Луара.

¹¹ *Trente-deux ans...* Т. 1. P. 7-8. Note 1.

¹² *Ibid.* Т. 1. P. 8.

¹³ *Ibid.* Т. 1. P. 9.

¹⁴ *Ibid.* Т. 1. P. 64.

¹⁵ Акт о смерти Альфонса Роша, цит. по сн. 10.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Correspondance du capitaine Daumas, consul à Mascara (1837-1839)* / Ed. par G. Yver. Alger, 1912. P. 379. Note 1.

сказа, умерла при родах¹⁸, ни деда по материнской линии. Последний, Люк Антуан Донен де Розьер де Шампаньё (1744-1807), был человеком весьма неординарным¹⁹. Родом из Бургуэна, он учился на юриста и женился на девушке из семьи лионских судейских по имени Урсула Аделаида Броттен. Избравшись в 1789 г. депутатом от третьего сословия г. Романа (Роман-сюр-Изер Примеч пер.), Люк Антуан между сентябрем 1789 и февралем 1791 г. возглавлял патриотическую газету *Courrier de Lyon*, а между 1790 и 1792 гг. исполнял обязанности второго муниципального советника г. Лиона. Будучи связан с Роланом де Ла Платьером, он становится начальником его канцелярии в Министерстве внутренних дел. В августе 1793 г. его сажают в тюрьму, откуда он был выпущен после свержения Робеспьера в термидоре II года, после чего стал советником суда Гренобля. Оставаясь верен своей дружбе с Роланами, он в 1796 г. женит одного из своих сыновей, Пьера Леона, на их единственной дочери Эвдоре (1781-1858), оставшейся сиротой в 15 лет. Спустя двенадцать лет, при рождении сына у Альфонса Роша и Клементины супружеская пара Пьер Леон и Эвдора усыновляют новорожденного²⁰: ребенок будет носить обиходное имя своего дяди, а крестной матерью ему станет тетка.

Леон приводит этот факт уже в первых строках своих мемуаров, утверждая, что это не просто «малозначительная деталь»²¹. Таким образом, часть детства он провел в имении Платьеров, в Тезе, в Божоле. А Эвдора Шампаньё до самой своей смерти в 1858 г. сохраняла к нему привязанность: она неоднократно ходатайствовала за «своего племянника и приемного сына, который провел подле нее детство», чтобы тому дали пост в Европе²² или приняли в члены ордена Почетного легиона²³. По его словам, она также по-

¹⁸ В мемуарах Роша содержится лишь косвенный намек на ее смерть: в них рассказывается об усыновлении его крестной и о продаже материнского имущества для реализации отцовских сельскохозяйственных проектов в Алжире («мы продадим собственность, которую оставила мне мать, чтобы пустить вырученные средства на приведение в порядок всей этой недвижимости»). – *Trente-deux ans...* Т. 1. P. 16.

¹⁹ О Люк-Антуане Шампаньё см.: *Feuga P. Luc-Antoine Champagneux ou le destin d'un Rolandin fidèle. Bourgoin-Lyon-Paris (1744-1807)*. Lyon, 1990.

²⁰ У них было всего две дочери, жизнь одной из которых в 1832 г. унесет холера. *Trente-deux ans...* Т. 1. P. 417.

²¹ *Ibid.* P. 7.

²² ADLC. Personnel. 1re série. 3506. Эвдора Шампаньё министру иностранных дел. Париж, сентябрь 1852 г.

²³ *Ibid.* Эвдора Шампаньё министру иностранных дел. Париж, 1857. Рош будет произведен в командоры ордена Почетного легиона в 1858 г.

средничала при поиске для него подходящей партии, которая бы позволила крестнику улучшить финансовое положение, пошатнувшее из-за неудач отцовского предприятия у Леона было четыре года, чтобы пробиться по службе и сделать возможным этот брак²⁴ с дочерью секретаря посольства Эдма Терезы Жан-Батиста де Шасто (1787-1875), «который состоял в очень близком родстве с семьями де Сегюр, Монтень, Ла Мольер, де Люр Салюс, Дюамель и т.д. и т.п. и с большей частью парламента Бордо»²⁵. От союза со второй дочерью графа Иоахима Казимира Александра фон Мальтцана, наследственного главного казначея Силезии, с которой он познакомился в Дрездене²⁶, у Эдма де Шасто было всего три дочери, что, несомненно, облегчило альянс с Рошем, который женится на младшей, Антуанетте Александрине Гийонне Камилле²⁷.

Ставленник высших офицеров Африканской армии

Несомненно, этот брак имел решающее значение для зачисления Роша в штат Министерства иностранных дел. Он стал для него необходимым залогом респектабельности²⁸. Одной лишь энергичной поддержки со стороны офицеров, близких к политическим кругам Июльской монархии, и прежде всего поддержки Бюжо, при всей ее значимости, было бы для этого недостаточно. Тем более что обстоятельства жизни Леона Роша в течение предшествующего десятилетия характеризовали его весьма неоднозначно, если не сказать неприглядно: в 1838-1839 гг. под мусульманским именем Омар²⁹ он устроился на службу к Абд аль-Кадиру.

²⁴ Trente-deux ans... Т. 1. P. 419.

²⁵ ADLC. Personnel. 1re série. 893 (Шасто). Шасто последовательно занимал пост секретаря посольства в Штутгарте (1812), Турине, Дрездене, Флоренции, Неаполе, затем снова в Турине (1824) и, наконец, в феврале 1843 г. был назначен временно исполняющим обязанности г-на де Бурбулона, генерального консула в Берберском Триполи.

²⁶ ADLC. Personnel. 1re série. 893. Шасто министру иностранных дел, 18 августа 1819 г.

²⁷ URL: <http://armigerousdescents.semeiondata.com> (дата обращения: май 2016). От этого брака родятся две дочери – Мария Тереза и Франсуаза Матильда.

²⁸ В период своего пребывания при дворе Абд аль-Кадира Рош вступил в брак по шариатским законам. Признание такого брака было бы несовместимо с консульской карьерой. Можно привести в пример военного переводчика Огюста Мартена (1817-1893), сына консульского агента в Александрии: добившись в апреле 1846 г. разрешения оставить армейскую службу и занять пост драгомана в Леванте (его семья обосновалась в Алеппо), он отказался от своего решения, чтобы жениться на молодой мусульманке из Константины (*Messaoudi A. Notices biographiques / Les arabisants et la France coloniale. Annexes [en ligne]*, Lyon: ENS Éditions, 2015. – URL: <http://books.openedition.org/enseditions/3730>).

²⁹ Переписка Эжена Дома свидетельствует о том, что он был известен под этим именем: «Говорят, Леон Рош (sic), или иначе Омар, пытался сбежать и был пойман в окрестностях Орана». – *Correspondance du capitaine Daumas*. P. 167).

Это было в период передышки, последовавшей за подписанием 30 мая 1837 г. мирного договора в Тафте между мусульманским лидером и Бюжо и продлившейся до возобновления военных действий в ноябре 1839 г. Конечно, приобретенный им в результате общения с Абд аль-Кадиром опыт мог рассматриваться офицерами Африканской армии как серьезное преимущество: в декабре 1839 г. Рош был принят туда в качестве переводчика второго класса при главном штабе и назначен сопровождать герцога Орлеанского, перехватив, таким образом, место, на которое метил Исмаил Юрбен³⁰. Будучи одним из тех редких переводчиков, кто изучал в лицее латынь и греческий, он быстро получил повышение и 1 июня 1841 г. был назначен главным переводчиком с ежегодным окладом в 3 600 франков³¹. Но доверие, которое оказывали ему Бюжо и представители военных кругов, разделялось далеко не всеми. По пути назад из поездки, в ходе которой он посетил Тунис, а затем Каир, имея перед собой задачу склонить главу суфийского братства Тиджанийя вступить в войну против Абд аль-Кадир с тем, чтобы окружить его с юга, и получить от улемов фетву о том, что подчиняться французам, а не Абд аль-Кадир, законно, Рош, по его словам, провел какое-то время в Риме. Правда это или вымысел, но данный эпизод, представляемый в его воспоминаниях как плод божественной «случайности»³², был ему очень на руку: после того как он со своим слугой нескольких месяцев ходил «в арабском платье»³³ и заявлял, что он мусульманин³⁴, ему нужно было вновь подтвердить свое католичество если, конечно, верить в то, что иначе план женитьбы на девушке, воспитанной в католической вере³⁵, и перспектива дипломатической карьеры³⁶

³⁰ Исмаил Юрбен (1812-1884), сен-симонист, принявший ислам в Египте в 1835 г., с 1837 г. служил по ведомству военных переводчиков. Но любимым переводчиком Бюжо все-таки оставался Рош. Юрбен же получил звание главного переводчика лишь в 1837 г. Его карьера и политические взгляды рассматриваются в работах Мишеля Левалуа (Michel Levallois).

³¹ ADLC. Personnel. 1re série. 3506. Послужной список.

³² Trente-deux ans... Т. 2. Р. 190, 192.

³³ Как значилось в паспорте, выданном им в Тунисе 7 августа 1841 г. для отправки в Сфакс и в Габес. См. об этом: *Émerit M.* Op. cit. Р. 89.

³⁴ Он утверждает это в письме, направленном из Каира в адрес Бюжо 24 октября 1841 г., письме, хранящемся в Историческом отделе Министерства обороны и опубликованном М. Эмери. Ibid. Р. 95.

³⁵ Камилла де Шасто, чья мать была лютеранкой, получила католическое воспитание в соответствии с обязательством, которое взял на себя ее отец, когда испрашивал у Министерства иностранных дел разрешения на свой брак. ADLC. Personnel. 1re série. 893.

³⁶ На это указывают сведения, сообщаемые Рошем в: Trente-deux ans... Т. 1. Р. 419.

оказывались под вопросом. То, что утверждает Рош в своих мемуарах, свидетельствует о некоем горизонте ожиданий, который спустя сорок лет воссоздает полномочный министр в отставке. По рекомендации своей крестной он был представлен Гастону де Сегюру, старшему сыну Софьи Ростопчиной, атташе французского посольства в Риме, который вскоре оставит дипломатию и будет рукоположен в священники³⁷. Поэтому он часто бывал в Палаццо Колонна, где встречался с послом Франции графом Септимом де Латур-Мобуром и его окружением, а также другими видными представителями бывшей знати, такими как мадам де Роан-Шабо и ее свояченица графиня де Гонто-Бирон³⁸. Но в дневнике, который вел в Риме Гастон де Сегюр, нет никаких упоминаний о Роше. Дневник этот был опубликован в 1882 г.³⁹ и, весьма вероятно, послужил Рошу образцом⁴⁰ при написании им шести глав, составивших пятую книгу «Рим» второго тома его мемуаров, который, судя по всему, был такой же фальшивкой, как и предыдущие книги – «Кайруан», «Медина» и «Мекка», в отношении которых Марель Эмери доказал, что Рош списал их с более ранних публикаций⁴¹. Возможно, Рош также вдохновлялся рассказом, опубликованным в 1840 г. Эвсемом де Саллем о путешествии на Восток, которое он совершил в 1838-1839 гг.: на обратном пути во Францию заведующий кафедрой арабского языка в Марселе делает остановку в Риме и рассказывает о своем возвращении в католическую веру под влиянием папской аудиенции, что переключается с историей,

³⁷ Речь также идет о рекомендации, полученной от аббатов Верона и де ла Буйери, двух практикующих священников Парижского диоцеза (*Trente-deux ans...* Т. 2. Р. 202). Луи-Гастон де Сегюр (1820-1881) станет впоследствии автором многочисленных апологетических работ и трудов о благочестии.

³⁸ Речь идет, соответственно, о Жозефине-Франсуазе де Гонто-Бирон де Сен-Бланкар (1796-1844), супруге Фернана де Роан-Шабо, и Аделаиде-Генриетте-Стефани де Роан-Шабо (1793-1869), супруге графа Эме де Гонто-Бирон (1776-1840). Молодой брат Фернана и Аделаиды, Филипп де Роан-Шабо, граф де Ярна (1815-1875), был в тот момент консулом Франции в Александрии.

³⁹ *Séjour L.-G., de. Journal d'un voyage en Italie: impressions et souvenirs, publié par les soins et avec une introduction du Comte de Séjour-Lamoignon. P., 1882.* Судя по всему, первое издание этой работы в продажу не поступало: оно не значится в каталоге Национальной библиотеке Франции.

⁴⁰ Возможно, Рош использовал также первый том воспоминаний, опубликованных младшим братом Гастона де Сегюра. – *Séjour A.H.P., de. Monseigneur de Séjour. Souvenirs et récits d'un frère. P., 1882.*

⁴¹ Эмери доказал, что рассказ о так называемом путешествии Роша в Мекку – это пересказ своими словами «Путешествия в Аравию» швейцарского исследователя Жана-Луи Буркхардта, опубликованного в 1835 г. – *Émerit M. Op. cit. P. 99* и последующие.

рассказанной Рошем спустя сорок лет⁴². Рош, разумеется, помнил о нападках, которым подвергся со стороны тех, кто считал неприемлемым назначение консулом человека, принявшего ислам⁴³.

В 1845 г. генерал де Ларюз, который вскоре будет назначен директором департамента по делам Алжира в Военном министерстве, действительно, предложил министру иностранных дел Франсуа Гизо назначить Леона Роша консулом Франции в Танжере. Он знал его по совместной работе в ходе операции по делимитации алжиро-марокканских границ, которой он руководил. Предложение как таковое одобрено не было. Однако косвенно оно все же получило положительный ответ: пост достался не Рошу, а Эдму де Шасто. Сам же Рош 10 февраля 1846 г. был назначен секретарем дипломатической миссии при своем будущем тесте 14 мая в Танжере сыграют свадьбу. Таким образом, его план сделать дипломатическую карьеру начал постепенно реализовываться. Этим он был обязан поддержке, которой сумел заручиться в руководстве Африканской армии, со стороны офицеров, близких к политическим кругам, и, в первую очередь, со стороны Бюжо⁴⁴, в период, когда взаимодействие между военными и дипломатическими элитами было достаточно тесным⁴⁵.

Контакты с офицерской средой наполеоновских армий, возобновившиеся после 1830 г., начались еще в первые годы его пре-

⁴² *Salle E., de. Pérégrinations en Orient, ou Voyage pittoresque, historique et politique en Égypte, Nubie, Syrie, Turquie, Grèce pendant les années 1837-39.* P., 1840.

⁴³ Оппозиционная парижская ежедневная газета *Le National* за 1834 г., критиковавшая консерватизм правительства Гизо и высказывавшаяся в пользу политики реформ, действительно, опубликовала в воскресенье 18 января 1846 г. текст, в котором подчеркивались нежелательные последствия назначения человека, который «примкнул к магометанской религии и освятил свое отречение женитьбой на алжирке. <...> Рош неоднократно продемонстрировал свою смекалку и храбрость; он бегло говорит по-арабски и хорошо знает Алжир: в этом ему нельзя отказать. Мы не сомневаемся, что он будет столь же предан и полезен Франции, как в свое время был предан и полезен Абд аль-Кадирю. Но речь идет об отвращении, которое он, по понятным причинам, должен вызывать у мусульманского населения Алжира и Марокко». 15 февраля 1846 г. в алжирской газете *L'Arhbar* было опубликовано опровержение этих утверждений (*Émerit M.* Op. cit. P. 104) – эту статью приводит Рош в: *Trente-deux ans...* T. 1. P. 447-449.

⁴⁴ О Бюжо см.: *Bois J.-P. Bugeaud.* P., 1997.

⁴⁵ Об этом свидетельствует, например, карьера Аристида де Ларюз. Сын графа де Ларюз, служившего консулом Франции в Венеции, он в начале своей карьеры получил сразу несколько дипломатических назначений. На ум приходит более общее соображение, высказанное Сержем Уильямом Серманом: «В структуре понятия “офицерство” представление об общественном положении в середине XIX века явно превалирует над представлением о роде занятий». – *Serman S.W. Le corps des officiers français sous la Deuxième République et le Second Empire. Aristocratie et démocratie dans l'armée au milieu du XIXe siècle.* Lille, 1978. T. 1. P. 148).

бывания в Алжире. Как сообщается, отец познакомил его с маршалом Клозелем⁴⁶, которого, по возвращении к делам в августе 1835 г., Рош сопровождал во время экспедиции в Медеа. Было это в апреле 1836 г. Данный опыт якобы заставил его задуматься об офицерской карьере. С начала 1840-х гг. можно считать, что Рош стал одним из протеже Бюжо. В 1845 г. маршал поддержал предложение де Ларюэ, направленное Гизо:

«По зрелом размышлении Ваш благородный ум возвысится над обычаями и даже правилами, дабы дать Франции такого представителя при марокканской империи, который был бы по-настоящему способен отстаивать там ее интересы и поддерживать там то уважение, которое она снискала себе своими победами⁴⁷. Он говорит по-арабски не хуже самых образованных арабов, знает, как они, нравы и обычаи страны, характер этого народа, то, как на него влиять, и я всегда отмечал, что за час общения с арабскими военачальниками ему удавалось произвести на них большое впечатление. Я имел тысячу возможностей испытать его в общении с племенами, которые я подчинил. Секрет в том, что он разговаривает с ними тем языком, который подходит их разумению, их сердцу, их страстям и даже их порокам. Его воинственный вид, его выправка, умение ездить верхом и обращаться с оружием, носить арабский наряд, предаваться тем же занятиям, что и они, сохраняя при этом должную дистанцию, делают его очень привлекательным. К тому же он человек образованный, способный, непринужденный и чтящий приличия. Он очень предан нашей стране это превосходный француз!⁴⁸ Если бы Вы знали его, как я, Вы бы не раздумывали ни минуты. <...> Нужно набирать людей, годных для дела, везде, где они есть, и поступаться иерархией во имя национальных интересов»⁴⁹.

Достоинства, на которые указывает Бюжо, стараясь убедить своего собеседника в том, что Рош, патриотизм которого он считает бесспорным⁵⁰, заслуживает оказываемого доверия, стоит

⁴⁶ Trente-deux ans... Т. 1. P. 51.

⁴⁷ Здесь дается отсылка к обстрелам Танжера и Могадора, и, более конкретно, – к битве при Исели, в которой Рош принимал участие в августе 1844 г.

⁴⁸ Я сохраняю здесь орфографию оригинала – без большой буквы (по правилам французского языка, слово «француз» пишется с большой буквы, а в тексте источника оно дано с маленькой – *Прим. пер.*).

⁴⁹ Донесение Бюжо – Гизо, Алжир, 9 июля 1845 г. ADLC. Personnel. 1re série. 3506.

⁵⁰ Можно напомнить, что Дома, приравняв Роша к дезертирам, перешедшим на службу к Абд аль-Кадиру (*Correspondance du capitaine Daumas...* P. 117. Письмо Рапателло. Февраль 1838 г.), утверждал, что «протестовал всеми возможными средствами против его же-

подчеркнуть особо. Это, с одной стороны, хорошее переводческое знание арабского языка, а также ислама и местных обычаев, с другой — военная и кавалерийская выправка. Сочетание этих качеств обеспечило бы Рошу необходимый авторитет и влияние на собеседников, которого требует исполнение консульских обязанностей в странах Африки. Таким образом, здесь вырисовывается своеобразный психологический портрет, которому соответствуют те должности, на которые впоследствии будет назначен Рош. Различия диалектов арабского языка и обычаев в зависимости от страны в расчет не принимаются: считается, что навыки общения, которые Рош извлек из опыта своего пребывания на западе Алжира, должны точно так же сработать в Танжере, Триполи и Тунисе. Его представительность, умение ездить верхом и владение оружием должны были снискать ему уважение как среди арабов с севера Африки, с их этосом наездника-бедуина⁵¹, так и, в дальнейшем, среди японских самураев⁵². Если неоднозначное прошлое Роша служило препятствием для назначения его в европейские страны⁵³, то оно вполне подходило для занятия постов в тех странах, где отношения с иностранным собеседником строились не на основе уважения баланса сил, а в интересах утверждения могущества Франции, стремящейся стать заморской державой вопреки проискам британских конкурентов.

лания служить родине», пытаясь сохранить мир между Абд аль-Кадиром и Францией (Дома — Геэнкеу. Маскара, 28 мая 1839 г. — Ibid. P. 479).

⁵¹ Продвижению этого образа лихого наездника, закрепившегося за фигурой Абд аль-Кадира, способствовал Эжен Дома, чья книга «Сахарские скакуны» (*Leschevaux du Sahara*, 1851) выдержала несколько переизданий.

⁵² Представление о том, что для некоторых народов характерен воинственный этос, приняло тем временем своеобразную форму в Британской империи: после восстания сипаев 1857 г. привлечение сикхов и гуркхов для замены брахманов, которые считались недостаточно надежными в новой Бенгальской армии, основывалось на дискурсе, изображавшем их людьми надежными, ибо ведомыми представлениями о воинской чести. — *Streets H. Martial Races: Themilitary, race and masculinity in British Imperial Culture, 1857–1914*. Manchester, 2004.

⁵³ Решение о назначении Роша в Триест в конце 1849 г., несомненно, должно было компенсировать его смещение с поста в Танжере, где марокканское правительство при поддержке британцев сочло его присутствие нежелательным. В своем благодарственном письме, направленном в министерство в связи с назначением, Рош не может не выразить «сожаления» по поводу «удаления [его] из страны, где специальные познания [которыми он обладал], приобретенные в исключительных условиях, придавали [его] трудам более реальную полезность, чем где бы то ни было еще». — Рош — министру иностранных дел. Танжер, 8 февраля 1850 г. ADLC. Personnel. 1re série. 3506. Однако Эвдора Шампаньё спустя некоторое время просит министра соблаговолить назначить ее племянника в Европу. — Письмо, датированное сентябрем 1853 г. (Ibid.).

Дипломатия и сила

Лингвистические компетенции Роша были большим преимуществом для ведения политики, направленной на усиление французского влияния на севере Африки. Владение арабским было не столько инструментом познания или коммуникации, сколько средством завоевать уважение, произвести впечатление на собеседников⁵⁴.

Судя по всему, что французские власти не ожидали от консула, чтобы тот демонстрировал глубокое знание страны, понимание ее социальной и политической структуры. Будучи человеком просвещенным, Рош отнюдь не являлся ученым-эрудитом, в отличие, например, от капитана Эжена Дома, какое-то время служившего консулом Франции при Абд аль-Кадире в Маскаре⁵⁵, или капитана Пелисье де Рейно, выпускника особой военной школы в Сен-Сире, чья консульская карьера началась в 1841 г., после отставки из армии и включения в состав научной комиссии Алжира⁵⁶, и, особенно, от еще одного уникального переводчика Африканской армии, сумевшего в XIX в. сделать дипломатическую карьеру, Лорана-Шарля Феро, который был на двадцать лет моложе Роша⁵⁷. Хотя был разговор о том, чтобы Рош, по ходатайству Бюжо, вместе с подполковником Альфонсом Риве написал историю Алжира, проект этот не состоялся⁵⁸. Между тем, такая работа поставила бы его в один ряд с дипломатами-историками, которых было в то время немало и которые имели вес на дипломатической службе⁵⁹. Но это было необязательно для того, чтобы получить пост в Африке⁶⁰.

⁵⁴ Аргументация Шасто в пользу зятя похожа на аргументацию Бюжо: «Незаурядный ум, способности и осторожность г-на Роша прекрасно известны министерству, а его достоинства вкупе с бесспорным влиянием, которое он имеет на арабов как представитель власти вследствие глубокого знания нравов и языка этого народа, являются самыми надежными гарантиями надлежащего ведения дел, каких только можно желать». – Шасто – министру иностранных дел. Танжер, 18 марта 1848 г. ADLC. Personnel. 1re série. 893.

⁵⁵ Титул консула Франции был официально присвоен ему в октябре 1838 г.

⁵⁶ Пелисье де Рейно (1798-1858) последовательно назначался консулом в Могадор, Сус, Янину в Эпире, Берберский Триполи (где его преемником стал Рош) и Багдад, и, таким образом, никогда не покидал арабо-исламо-османского пространства.

⁵⁷ Феро (1829-1888) в ноябре 1878 г. будет назначен консулом в Берберский Триполи, и лишь позднее, начиная с 1884 г., не без трений с начальством приступит к исполнению консульских обязанностей в Танжере. – *Messaoudi A.* Op. cit.

⁵⁸ Как это следует из письма Альфонса Риве Леону Рошу, опубликованного в: *Quelques pages...* P. 16-17. В нем сообщается, что назначение Роша в Танжер замедлило работу, окончательно прерванную февральской революцией 1848 года. – *Ibid.* P. 20.

⁵⁹ См.: *Dasque J.* Écriture et usages de l'Histoire chez les diplomates de la Troisième République // *Écrivains et diplomates. L'invention d'une tradition. XIXe XXIe siècles / Sous la dir. de L. Badel, G. Ferragu, S. Jeannesson, R. Meltz.* P., 2012. P. 166-180.

⁶⁰ Отметим, однако, что Пелисье де Рейно и Феро были авторами солидных исторических трудов.

С другой стороны, если люди, оказывавшие Рошу поддержку, отмечали его владение разговорным арабским, то это не потому, что знание языка было абсолютно необходимо для общения с местными властями. Использование лингва франка долгое время являлось достаточным для тех консулов, которые не знали арабского или турецкого⁶¹. К тому же, с тех пор использование французского языка получило значительное распространение среди представителей османской администрации и администрации Тунисского регентства. Рош и сам признавал этот факт, отмечая в 1860 г., какие качества необходимы претенденту на вакансию драгомана:

«Превосходное знание разговорного арабского сегодня уже не столь необходимо, как это было раньше, ибо тунисское правительство поставило во главе своей администрации людей, прекрасно владеющих французским, и с ними решаются все второстепенные вопросы»⁶².

Владение языком скорее позволило бы «показать класс», сравнимый с лихостью наездника, и таким образом поднять престиж представителя Франции. Оно лишь дополняло собой те качества, которые обычно требуются от дипломата, качества, которые и сам Рош хотел бы найти у кандидата на пост переводчика: «Для 1-го переводчика важно иметь привычку к делам, умеренность в соединении с твердостью и манеру прилично одеваться»⁶³.

Имея дело с неустойчивыми правительствами, за контроль над которыми боролись европейские державы, консул, в представлении Роша, должен был уметь заставить себя уважать, сочетая использование военных и коммерческих качеств, обычно рассматриваемых как диаметрально противоположные.

Рош создал себе репутацию хорошо осведомленного и твердого переговорщика, которому удавалось заставить собеседника согласиться на то, от чего априори тот намерен был отказаться.

Так было, например, в период подписания договора по делимитации границ между Алжиром и Марокко в 1845 г.: столкнувшись с отказом султана, которого поддерживали британцы, Рош, убежденный в необходимости «жесткого разговора» и «энергич-

⁶¹ Windler C. La diplomatie comme expérience de l'autre. Consuls français au Maghreb (1700-1840). Genève, 2002. P. 153. О лингва франка см.: Dakhli J. Lingua franca. Histoire d'une langue métisse en Méditerranée. Arles, 2008.

⁶² CADN. Генеральное консульство, 1582-1887 (712 PO/1, журнал 92, конфиденциальные депеши, Рош – министру иностранных дел, август 1860 г).

⁶³ Ibid.

ной позиции», направил султану, якобы по собственной инициативе, «ультиматум» через пашу Лараша (Эль-Араиша – *Прим. пер.*) Бу Селяма, и это возымело действие⁶⁴. В опубликованном в 1886 г. сборнике в честь Роша утверждается, будто тогда же он придумал новый тип дипломатического подарка, рассчитанного на то, чтобы произвести впечатление: так, преподнесение в дар конной артиллерийской батареи с запряженными в нее нормандскими кобылами позволило бы утверждать, что Франция не испытывает потребности в арабских скакунах⁶⁵.

Позднее, находясь в Японии, Рош будет настаивать на расстреле одиннадцати человек, признанных виновными в нападении, повлекшем гибель такого же числа французских моряков⁶⁶. Однако известно, что подобное применение силы не позволяет сохранить на посту того, кого считают за это ответственным, и вскоре после этого дела Рош покидает Японию.

В 1849 г., как мы видели, министр не захотел назначить его в Танжер «из-за раздражения, которое он вызывал у марокканского правительства»⁶⁷. Спешный отъезд Роша из Триполи на Мальту в поисках убежища в июне 1855 г. был скорее связан с той поддержкой, которую он, как полагают, оказал бунтовщикам под руководством Гумы бен Халифы⁶⁸. Судя по всему, он предпочел не идти на риск подвергнуться репрессиям со стороны османского правительства⁶⁹. Тогда как в Тунисе, по-видимому, он был вынужден просить об отставке из-за слухов о его участии в коммерческих делах, несовместимом со статусом консула.

⁶⁴ Trente-deux ans... Т. 2. P. 461.

⁶⁵ Quelques pages... P. 196.

⁶⁶ Депеша Роша министру иностранных дел, Хиого, 11 марта 1868 г., опубликованная Патриком Бейвером в: *Beillevaire P. Le Voyage au Japon. Anthologie de textes français (1858-1908)*. P., 2001. P. 106.

⁶⁷ Заметка о Роше. Б/д [1849 или 1850] ADLC. Personnel. 1re série. 3506. По поводу дела, вызвавшего такое раздражение, не разделяя точки зрения автора, мы отсылаем к работе: *Caillé J. La France et le Maroc 1849. Hespéris*, 1946. P. 123-155, основные положения которой приводятся в: *Idem. Une crise franco-marocaine // La Petite histoire du Maroc. Seconde série. De la mort de Moulay Ismaïl (1727) à 1850. Casablanca*, 1952. P. 237 и последующие.

⁶⁸ В самом деле, как считает Андре Мартель, «за Гумой стояли французские консулы, порой принимавшие сторону определенных группировок или отстаивавшие определенные интересы» (*Martel A. Souveraineté et autorité ottomane: la province de Tripoli du couchant (1835-1918) // Annuaire de l'Afrique du Nord*. 1983. № 22. P. 77).

⁶⁹ Тогда Рош информирует министерство иностранных дел о деятельности ас-Сануси, направленной на разжигание джихада против французской оккупации в Алжире (*Triaud J.-L. La légende noire de la Sanûsiyya. Une confrérie musulmane saharienne sous le regard français [1840-1930]*. P., Aix-en-Provence, 1995. Т. 1. P. 40-41).

Рош рано понял значение прессы и наглядной агитации для создания репутации⁷⁰. Он сумел использовать факт своего пребывания на посту в Тунисе в период, когда там происходили серьезные изменения, связанные с реформированием или, точнее, переустройством государства по османскому образцу⁷¹, а также с открытием этой страны иностранным интересам⁷², чтобы представить себя важным действующим лицом этих преобразований⁷³. Благодаря своей предприимчивости, находившей благоприятный отклик в Париже, он был в 1858 г. возведен в командоры ордена Почетного легиона⁷⁴. Позднее он будет похваляться тем, что организовал визит тунисского бея к императору Наполеону III в Алжир, назвав это «важным политическим результатом», а также тем, что связал «телеграфной линией все побережья Туниса с Алжиром и Европой» и добился строительства тунисским правительством новой консульской резиденции для Франции⁷⁵.

Находясь в Тунисе, Рош, насколько можно судить, поддерживал доверительные отношения с членами консульской команды сторонниками более традиционных методов, нежели его собственные. Он не без гордости сообщает об услугах первого переводчика Альфонса Руссо (1820-1870), которому он охотно уступал управление консульством на время своих поездок по стране: установившееся

⁷⁰ Мы видим репродукцию его портрета в качестве иллюстрации к статье о поездке восьми «арабских лидеров» в Париж (№ 97. Суббота, 4 января 1845 г. Т. 4. Р. 273). Он также фигурирует среди персонажей битвы при Исли, написанной в 1856 г. Горацием Верне для украшения африканских залов Версальского дворца. Мы также видим его изображенным рядом с Мухаммедом эс-Садоком на картине Александра Дебеля, запечатлевшего встречу бея с Наполеоном III в Алжире в 1869 г. (см. репродукцию в: *Planel A.-M. Du comptoir à la colonie. Histoire de la communauté française de Tunisie. 1814-1883. P., Tunis, 2015. Cahier couleur II, 2*).

⁷¹ Двумя наиболее сильными символическими мерами стали провозглашение беем в сентябре 1857 г. «Фундаментального пакта», признававшего права подданных бея и всех жителей, проживавших на его территории, и издание конституции в апреле 1861 г.

⁷² Конституция признала за ними право на собственность.

⁷³ В декабре 1857 г. он сообщает в министерство, что основанная в Тунисе «французская колония» решила подарить ему на Новый год шпагу «в знак признательности <...> за эффективную поддержку, [которую он] оказывал ее интересам», и за активное участие «в принятии реформ, декретированных беем», — церемония, которую, как можно заподозрить, он сам и организовал. — Рош — министру иностранных дел, 2 декабря 1857 г. ADLC. Personnel. 1re série. 3506.

⁷⁴ Э. Дома, которого спросили о целесообразности этого выдвижения, дал благоприятный отзыв о Роше: «Это человек достойный. Насколько мне лично известно, он уникален как в плане знания арабского языка и нравов, так и с точки зрения интеллекта и преданности. — Дома — Флёрри. Париж, 10 ноября 1857 г. Ibid.

⁷⁵ Рош — министру иностранных дел. Тунис, март 1862 г. Ibid.

между ними доверие могло не в последнюю очередь основываться на общей преданности Жан-Жаку Руссо⁷⁶. Рош считал своим учеником консула Жозефа Тиссо (1828-1884), сына профессора философии из университета Дижона, чья дипломатическая карьера завершится на посту посла в Лондоне. Он поддерживал тесные отношения с поверенным в делах бея в Париже Жюлем де Лессепсом (1809-1887), сыном бывшего консула Франции в Тунисе и младшим братом основателя Компании Суэцкого канала. Лессепс заявлял, что служит Франции и одновременно интересам того, кто его нанял, как это некогда делал Рош, находясь на службе у Абд аль-Кадира. Когда в 1882 г. Рош пытался добиться назначения в Александрию, после того как «[его] честное имя подверглось грубым нападкам⁷⁷», он использовал Лессепса в качестве посредника⁷⁸.

Получив в конце концов назначение консулом в Японию⁷⁹, Рош сменяет на этом посту Гюстава Дюшена де Белькура (1817-1881), который, в свою очередь, должен был отправиться в Тунис. Такая перестановка между двумя географически очень удаленными

⁷⁶ Прадед Альфонса был двоюродным дедушкой великого философа, а дед Роша по материнской линии, Люк-Антуан Шампаньё, выступал у последнего свидетелем на гражданской свадьбе, состоявшейся в 1768 г. в Бургуэне. – *Feuga P. Un collaborateur et ami du ménage Roland : Luc-Antoine Champagneux / Jean-Marie et Manon Roland. Actes du colloque national de Villefranche-sur-Saône. Lyon, 1989 // Archives départementales du Rhône / Union des sociétés historiques du Rhône. 1990. P. 124-127.* Альфонс же, чей отец был консулом Франции в Алеппо, сам вскоре займет пост консула в Джидде (1858), а позднее в Сараево (1864).

⁷⁷ Рош – министру иностранных дел. Тунис, март 1862 г. ADLC. Personnel. 1re série. 3506. Спустя некоторое время «в пароходном порту» Йокогамы распространился слух о том, что Рош участвовал в получении высоких комиссионных, которые брали «его напарники, гг. Флори-Эраром, Шеврийоном и Кулле, из Французской морской почтово-пассажирской компании» (Записка графа Альбера де Лаллемана, 1863 г. Ibid.). Обвинение было выдвинуто публично в 1867 г. на процессе, проходившем в суде г. Дижона, что заставило Роша начать преследование за клевету (Рош – министру иностранных дел. Париж, 14 июня 1869 г. Ibid.).

⁷⁸ Телеграфная депеша Роша Лессепсу. Тунис, 28 марта 1862 г. Ibid.

⁷⁹ Возможно, этому назначению способствовали лионские деловые круги, с которыми Рош, вне всяких сомнений, продолжал поддерживать отношения. В связи с эпидемией переносимой шелкопряда фабриканты шелковых тканей стали искать возможность импортировать коконы и яйца шелкопрядных червей из Японии и Китая. Рош, будучи сторонником развития свободной торговли, намеревался убедить сёгунат дать согласие на экспорт коконов шелкопряда под эгидой Французского зоологического общества адаптации к климату, возглавляемого Друэном де Лионсом, через посредство коммерческой фирмы, созданной при поддержке Армана Беика, министра торговли и администратора Французской морской почтово-пассажирской компании. Эта фирма под названием «Генеральное общество импорта и экспорта на Дальнем Востоке» позволило обеспечить Лион шёлком, минуя лондонский Сити. – *Mutel J. La fin du shōgunat et le Japon de Meiji, 1853-1912. P., 1970. P. 41; Medzini M. French Policy in Japan During the Closing Years of the Tokugawa Regime. Cambridge (Mass.), 1971. P. 114; Helbyer R.I. Defining Engagement. Japan and Global Contexts, 1640-1868. Cambridge (Mass.), L., 2009. P. 185.*

миссиями свидетельствовала, вероятно, о том, что, в глазах министра, проблемы, которые предстояло решать, были одного порядка: речь шла о том, чтобы найти людей, способных заставить сделать выбор в пользу Франции в качестве куратора неизбежного процесса открытия и модернизации, что, по мнению Роша, могло быть сделано в Японии только путем оказания помощи центральному правительству в его борьбе с сопротивлением местных феодальных князьков⁸⁰. Именно этим была обусловлена его поддержка сёгуната (бакуфу) Токугава⁸¹. Японию и Тунис объединяло то, что они принадлежали к Восточному миру категория, используемая Рошем для доказательства сходства тех препятствий, которые он встречал на своем пути тут и там⁸²:

«Впрочем, невозможно не разглядеть в этой тактике [сведения договоров 1858 г. к мертвой букве⁸³] умонастроения, которым, похоже, движимы все восточные народы, когда Европа пытается усилить свое влияние в их среде. Сила, с помощью которой пришлось обеспечивать исполнение наших договоров в Средиземноморье, является также единственным аргументом, который заставит соблюдать их в Китае. У мусульман средством выдавить нас служит религиозный фанатизм, а здесь мы сталкиваемся с не менее серьезным препятствием в виде чувства патриотизма, раздуваемого правительственными агентами и нагнетаемого для достижения целей. И хотя эти попытки сопротивления у восточных народов имеют различное происхождение, форма их проявления совершенно одинакова. Когда читаешь депеши японского правительства или выслушиваешь возражения из уст министров, создается впечатление, что ты в Марокко.

⁸⁰ Депеша Роша, 1866 г. ADLC. Консульская переписка. Эдо. Т. 14 (микрофильм Р 10247). Л. 84. Этот вопрос вновь встанет в Марокко, где Франция окажется перед аналогичным выбором, что вызовет оживленные дебаты. – Exotisme et penetration scientifique : l'effort de découverte du Maroc par les Français au début du XXe siècle // Connaissances du Maghreb. Sciences sociales et colonization. CNRS, 1984. P. 95-109.

⁸¹ О политике Роша в Японии см.: Sims R. French Policy Towards the Bakufu and Meiji Japan. 1854-95. Richmond, 1998 (особенно Гл. 3. С. 48-72).

⁸² Позже он заявит о превосходстве японского народа над другими восточными народами. – Депеша Роша министру иностранных дел. Атами-ле-бэн, 24 декабря 1866 г. ADLC. Консульская переписка. Эдо. Т.14 [микрофильм Р 10247]. Л. 316.

⁸³ Договоры 1858 г. между Японией, с одной стороны, Соединенными штатами, Россией, Великобританией, Голландией и Францией с другой, открывали порты Эдо, Кобе, Нагасаки, Ниигата и Йокогама для международной торговли, устанавливали низкие таможенные пошлины и гарантировали иностранцам подсудность только своей консульской юрисдикции.

Если повсюду наши действия наталкиваются на одни и те же препятствия, может быть, мы должны, чтобы преодолеть их здесь, перейти к применению жестких мер, которые уже принесли нам результаты в других местах?

Признаю это с сожалением, опасаясь, как бы такое решение не стало неизбежным, но именно само японское правительство с самого начала дает мне повод для оправдания моих опасений»⁸⁴.

После того, как в 1868 г. Рош был отправлен в отставку, получив в качестве компенсации чин полномочного министра, он тщетно пытается вернуться на службу. Список постов в странах Востока, где, по его утверждениям, он мог бы быть принести пользу, охватывает следующие регионы: по его словам, имеющийся у него опыт дает ему право претендовать на «управление миссиями в Пекине, Персии и Марокко»⁸⁵.

В странах, где имело место развитие контактов с Францией, а также растущий дисбаланс отношений, которые они с ней поддерживали, рискуя превратиться в зону имперского влияния или даже колониального господства, консульская деятельность приняла в середине XIX в. невиданные масштабы. Это проявлялось и в расширении границ консульской защиты, и в установлении французской юрисдикции для всех дел, касавшихся французских подданных, и в навязывании своих взглядов местному правительству за счет использования методов запугивания или путем обращения к силе, если это бывало необходимо. Леон Рош не самый надежный гид для изучения этих трансформаций: хотя о нем сохранилось больше документов, чем о других консулах, созданная им вокруг самого себя легенда может ввести в заблуждение. Чтобы очертить то направление его деятельности, которое было связано с экономическими вопросами и которого мы здесь не касались, будь то государственные или частные интересы⁸⁶, необходимо обратиться

⁸⁴ Черновик депеши от 17 мая 1864 г. Йокогама. ADLC. Консульская переписка. Эдо. T.9 [микрофильм Р 10246]. Л. 149-150. Следует отметить, что этот отрывок взят из окончательного варианта депеши. Рош прибыл в Эдо в октябре 1863 г., то есть через несколько месяцев после императорского рескрипта, который, призывая к изгнанию иностранцев, содействовал нападениям на них. Политика применения силы, о которой он говорит, нашла свое воплощение в сентябре 1864 г. в ходе обстрела Симоносеки международной эскадрой в составе кораблей Великобритании, Голландии, Франции и США.

⁸⁵ Рош – министру иностранных дел. Шато де Респид, 1 июня 1870 г. ADLC. Personnel. 1re série. 3506.

⁸⁶ Что касается Японии, то упомянем лишь заключение займа на 6 млн долларов на условиях его возврата медью через посредство «Сосьете женераль» и подписание контрактов на поставку вооружений.

к другим источникам, не ограничиваясь карьерными досье и политической перепиской. И все же: позволяет ли просопография консулов, действовавших в разных уголках колониальных империй, считать его пример показательным? И еще: если отвлечься от извечной темы франко-британской конкуренции⁸⁷, можно ли найти случаи подражания этому примеру как на уровне консульских агентов различных колониальных держав, так и на уровне курирующих их министерств? До тех пор, пока мы не сможем дать точных ответов на эти вопросы, можно предложить видеть в Леоне Роше фигуру более ординарную, чем ему того хотелось, и, следовательно, достаточно показательную с точки зрения описываемых изменений.

*Перевела с французского языка
Ю.В.Ткаченко, доцент РГГУ*

Список литературы

- Archives nationales d'outre-mer. Acte de décès d'Alphonse Jean Baptiste Marie Roches, 13 juillet 1865.
- Beillevaire P.* Le Voyage au Japon. Anthologie de textes français (1858-1908). P.: Robert Laffont, 2001.
- Bois J.-P.* Bugeaud. Paris: Fayard, 1997.
- Caillé J.* La France et le Maroc en 1849. Hespéris: Archives berbères et bulletin de l'Institut des Hautes Etudes Marocaines, 1946.
- Caillé J.* Une crise franco-marocaine // La Petite histoire du Maroc. Seconde série. De la mort de Moulay Ismaïl (1727) à 1850. Casablanca: Farraire, 1952.
- Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve [ADLC]. Japon/Edo. Correspondance politique. Vol. 9, 10 (microfilm P 10245) et vol. 14 (microfilm P 10247).
- Centre des Archives diplomatiques de Nantes [CADN], Tunis, consulat général, 1582-1887 (712)
- Correspondance du capitaine Daumas, consul à Mascara (1837-1839), éditée par Georges Yver. Alger: Jourdan, 1912.

⁸⁷ В историографии большое внимание уделяется конкуренции и соперничеству между французскими консулами и их британскими коллегами. При этом последние имели перед французами то преимущество, что срок их полномочий был более длительным. Так, Джон Драммонд Хей сменил своего отца на посту консула в Танжере в 1845 г. и занимал этот пост вплоть до 1886 г.; Ричард Вуд исполнял обязанности консула в Тунисе с 1855 по 1879 г. О первом из них см.: *Khalid Ben-Srhir.* Britain and Morocco During the Embassy of John Drummond Hay. L., N.Y., 2005. 1-е изд. (на араб. яз.) 1990.

- Dakhlija J.* Lingua franca. Histoire d'une langue métisse en Méditerranée. Arles: Actes Sud, 2008.
- Dasque I.* Écriture et usages de l'Histoire chez les diplomates de la Troisième République // Écrivains et diplomates. L'invention d'une tradition. XIXe-XXIe siècles / Sous la dir. de L. Badel, G. Ferragu, S. Jeannesson, R. Meltz. P.: Armand Colin, 2012.
- Émerit M.* La légende de Léon Roches // Revue africaine. 1947. Vol. 91. P. 81-105.
- Feuga P.* Luc-Antoine Champagneux ou le destin d'un Rolandin fidèle. Bourgoin-Lyon-Paris (1744-1807). Lyon: Éditions lyonnaises d'art et d'histoire, 1990.
- Feuga P.* Un collaborateur et ami du ménage Roland : Luc-Antoine Champagneux / Jean-Marie et Manon Roland. Actes du colloque national de Villefranche-sur-Saône. Lyon, 1989 // Archives départementales du Rhône/Union des sociétés historiques du Rhône. 1990.
- Hellyer R.I.* Defining Engagement. Japan and Global Contexts, 1640-1868. Cambridge (Mass.)/Londres: Harvard University Asia Center, 2009.
- Histoire de l'Algérie contemporaine. P.: PUF, 1964.
- Khalid Ben-Srhir.* Britain and Morocco During the Embassy of John Drummond Hay. Londres/New York: Routledge/Curzon, 2005.
- Martel A.* Souveraineté et autorité ottomane: la province de Tripoli du couchant (1835-1918) // Annuaire de l'Afrique du Nord. 1983. № XXII.
- Medzini M.* French Policy in Japan During the Closing Years of the Tokugawa Regime. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1971.
- Messaoudi A.* Notices biographiques / Les arabisants et la France coloniale. Annexes [en ligne], Lyon: ENS Éditions, 2015. URL : <http://books.openedition.org/enseditions/3730>.
- Mutel J.* La fin du shōgunat et le Japon de Meiji, 1853-1912. Paris: Hatier université, 1970.
- Planel A.-M.* Du comptoir à la colonie. Histoire de la communauté française de Tunisie. 1814-1883. Paris/Tunis: Riveneuve éditions/ Institut de recherche sur le Maghreb contemporain, 2015.
- PO/1, registres 90-93 et 103.
- Quelques pages sur Léon Roches. Grenoble: Imp. Allier frères, 1898.

- Rivet D.* Exotisme et pénétration scientifique : l'effort de découverte du Maroc par les Français au début du XXe siècle // *Connaissances du Maghreb. Sciences sociales et colonization.* CNRS, 1984.
- Salles E., de.* Pérégrinations en Orient, ou Voyage pittoresque, historique et politique en Égypte, Nubie, Syrie, Turquie, Grèce pendant les années 1837-39. Paris: Pagnerre/L. Curmer, 1840.
- Séguir A.-H.-P., de.* Monseigneur de Séguir. Souvenirs et récits d'un frère. P.: Bray et Retaux, 1882.
- Séguir L.-G. de.* Journal d'un voyage en Italie : impressions et souvenirs, publié par les soins et avec une introduction du Comte de Séguir-Lamoignon. P.: Tolra, 1882.
- Serman S.W.* Le corps des officiers français sous la Deuxième République et le Second Empire. Aristocratie et démocratie dans l'armée au milieu du XIXe siècle. Lille: Service de reproduction des thèses, 1978. T. 1.
- Sims R.* French Policy Towards the Bakufu and Meiji Japan. 1854-95. Richmond: Japan Library, 1998.
- Streets H.* Martial Races: The military, race and masculinity in British Imperial Culture, 1857-1914. Manchester: Manchester University Press, 2004.
- Trente-deux ans à travers l'Islam (1830-1864). P.: Firmin-Didot. T.1. Algérie. Abd-el-Kader, 1884; T.2. Mission à la Mecque. Le maréchal Bugeaud en Afrique, 1885.
- Triaud J.-L.* La légende noire de la Sanûsiyya. Une confrérie musulmane saharienne sous le regard français [1840-1930]. Paris/Aix-en-Provence: Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme/Institut de recherches et d'études sur le monde arabe et musulman [IREMAM], 1995. T. 1.
- Windler C.* La diplomatie comme expérience de l'autre. Consuls français au Maghreb (1700-1840). Genève: Droz, 2002.
- Ministère des Affaires étrangères. Personnel. 1re série. 3506 (dossier microfilmé, bobine P 14617).

Alain Messaoudi

**AT THE BORDER OF A COLONIAL EMPIRE:
LÉON ROCHES, CONSUL OF FRANCE (1845-1867)**

The article is devoted to the life and activity of Leon Roches, a French diplomat of the middle of the 19th century, the period of formation of the second colonial Empire of France. Based on materials of the French diplomatic archives, the author analyzes the main stages of the career of Roches, who served as Consul in Tangier, Trieste, Tripoli, Tunisia, and Edo (Tokyo). The author tries to reveal how Roches used the methods of conventional and unconventional diplomacy to realize the imperial goals of his country in the Orient. The task of the researcher is largely complicated by the fact that Roches himself devoting to his own biography an extensive literature tried to hide the details of his real life under the cover of legend.

Keywords: history, France, diplomacy, Mediterranean, Orient, Léon Roches